

**МИХАИЛ
ОСИПОВИЧ
ГЕРШЕНЗОН**

СУДЬБЫ ЕВРЕЙСКОГО
НАРОДА

Михаил Осипович Гершензон

Судьбы еврейского народа

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25577014

Аннотация

«Образованный англичанин может прожить всю жизнь, ни разу не задумавшись об исторической судьбе своего народа и его назначении. Он знает непосредственным чувством, что его народ живет как целое и что путь его истории непрерывен. А куда ведет этот путь и верен ли он – как узнать? Ведь очевидно, что явления такого размера индивидуальный разум не в силах осмыслить. Лицо живого народа – как огнезарное солнце: оно всем видно, но его нельзя разглядеть. Только остывшие солнца, мертвые лики Египта, Эллады, Рима мы силимся обозреть в их целостности, да и то без большого успеха...»

Михаил Осипович

Гершензон

Судьбы еврейского народа

Образованный англичанин может прожить всю жизнь, ни разу не задумавшись об исторической судьбе своего народа и его назначении. Он знает непосредственным чувством, что его народ живет как целое и что путь его истории непрерывен. А куда ведет этот путь и верен ли он – как узнать? Ведь очевидно, что явления такого размера индивидуальный разум не в силах осмыслить. Лицо живого народа – как огнезарное солнце: оно всем видно, но его нельзя разглядеть. Только остывшие солнца, мертвые лики Египта, Эллады, Рима мы силимся обозреть в их целостности, да и то без большого успеха.

И все же нет ни одного культурного народа, который не пытался бы время от времени осознать себя разумом своих мыслителей. Из наблюдений над прошлым выводится как бы линейная схема, чертеж: философия национальной истории; и общество жадно ловит эти догадки, потому что они удовлетворяют неискоренимую потребность сознания – свести к умозрительному единству многообразие народных влечений и народной судьбы.

Если этому нетерпению поддаются и благоустроенные на-

роды, то как устоять против искушения в особенности современному еврею? Кто верит, тому не нужны рассудочные надежды: он целостным чувством почерпает утешение и надежду в идее благого Промысла. Когда же вера ослабела в еврействе, на смену ей неизбежно должна была явиться какая-нибудь рационалистическая философия истории. История евреев, во-первых, слишком странна своим разительным несходством с историей прочих народов и, во-вторых, в большей своей части так беспросветно печальна, что зритель невольно останавливается пораженный; мысль настойчиво ищет разгадать последовательность и смысл столь необычайного зрелища. Пред этой загадкой еврейской истории, мы знаем, останавливались и многие нееврейские умы; тем понятнее раздумье еврея. Человек так устроен, что своему счастью и покою он не ищет оснований, и принимает их как естественные явления, скорбь же свою он непременно должен возвести к причине, должен доказать себе логическую неизбежность своего страдания, иначе мир предстанет ему как бессмыслица, и он утонет в отчаянии. За что так тяжело наказан еврейский народ рассеянием и гонениями? Была ли в его прошлом какая-нибудь роковая вина, или в его характере такая врожденная особенность, откуда неизбежно развилась чудовищная вереница мучений? Это первый вопрос, естественно предстающий уму, – вопрос понимания. Он уже потому напрашивается, что в отличие от других живых народов еврейство имеет в своем Палестинском прошлом как бы

свой собственный застывший лик, подобно тем мертвым лицам Египта, Греции и Рима, – законченный процесс, вызывающий на объяснение. Еще настойчивее второй вопрос, практически важный. Прошлое народа складывалось стихийно, но будущее его, по крайней мере, ближайшая – неужели мы не можем подчинить ее нашей разумной воле? Будь еще еврейство благоустроено, потребность предвидения была бы не так остра. Но еврейство и сейчас несчастно, разорвано, бездомно; 14 миллионов людей, чувствующих себя одной семьей, разбросаны по 70 странам; народ, имевший свою культуру, внутренне распылен по двадцати инородным культурам; народ, забывший родную речь и говорящий на многих чужих языках, народ-хамелеон, народ – торгош, оторванный от природы, хиреющий в городах, всюду, если не гонимый, то едва терпимый, – такому народу – где исход? Старая вера не смела спрашивать о будущем, потому что самый этот вопрос есть уже вмешательство в замыслы Бога; напротив, безверие по своей природе обречено предвидеть и направлять. А так как предвидеть можно только из бывшего опыта, иначе предвидение будет химерой, то вопрос о будущем сводится опять-таки к вопросу о прошлом, и оба вместе могут быть решены только историко-философской гипотезой. Вот почему для современного еврея, утратившего веру отцов, нет искушения сильнее, нежели объяснительный и руководящий национальный миф. И нетрудно видеть, что все умственные движения, возникавшие среди евреев за последние

40-50 лет, были, по существу, ничем другим, как попытками такого мифотворчества. Сами деятели могли и не знать источников своего вдохновения и добросовестно считать свою программу чисто-практической: таковы были, например, ассимиляторы 80-х годов; в действительности, и здесь все доводы черпались из определенных исторических обобщений, только слабо сознанных и оттого не сведенных в систему.

Было бы в высшей степени любопытно вскрыть основы этих учений, вылущить из оболочек философское ядро каждого и затем составить весь этот ряд гипотез, объединенных как временем их зарождения, так и общностью цели. Я убежден, что внимательное исследование обнаружило бы в них много родственных черт наперекор их видимому несходству. Оно показало бы, что все они совпадают и отрицательно, имея общей исходной точкой безверие, исторический рационализм, и положительно, так как все без исключения представляют лишь копии с различных историко-философских теорий, какие выработала для собственных нужд европейская мысль XIX-го века.

Но я не займусь этим делом. Доктрина ассимиляторов, учения о религиозной или духовно-культурной миссии еврейского народа отжили свой короткий век и больше не привлекают сторонников. И всех победило могучее движение сионизма, нарастающее неудержимо вот уже четверть века и ныне достигшее апогея. Сионизм – уже не только академическая доктрина: он стал движущей силой в сознании сотен

тысяч людей, он превратился в идею-чувство, идею-влечение. И если пока он только волнует умы и сердца, если еще не многое переместил в мире, то энтузиазм, возбуждаемый им, – порука, что при благоприятных условиях ему суждено коренным образом повлиять на судьбу еврейства. Не сегодня – завтра падет главная из внешних преград: Палестина будет отдана евреям, – и горсть восторженных мечтателей поднимет с мест и поведет за собою массу, чтобы ее трудом, ее лишениями проделать опыт национального возрождения. Такую ответственность берет на себя только тот, кто непоколебимо знает правду и силу своего замысла. Сионизм пламенно верит в свою мечту – откуда же эта уверенность? – Он черпает ее в своем мировоззрении, в своей философии истории. Его конкретные утверждения целиком выведены как логически обязательное следствие из некоторой общей идеи, и кто хочет понять сионизм, должен искать его смысл не в деловых постановлениях Базельского или Гельсингфорского съезда, а в той историко-философской теории, которая одушевляет его и связывает отдельные части его программы в единство. Между тем как раз эта важнейшая сторона сионизма наименее освещена. С сионизмом случилось то же, что можно наблюдать в истории всякой политической партии: программа совершенно затмила породившую ее идею и тем превратила эту идею в догмат. Об основных положениях сионизма никто не спорит, их только хранят, как золотой запас, и в нужных случаях предъявляют *ad extra*. С тех пор

как лет 25 назад они были впервые сформулированы, их никто не вздумал пересматривать, ни с целью проверки, ни даже ради обогащения и упрощения. Их повторяют в бесчисленных журнальных статьях, брошюрах, книгах, как непреложные аксиомы, в одном и том же составе, почти в тех же словах. Весь разум сионизма поглощен тактикой, все споры ведутся в границах программы; даже главнейший раскол в сионизме не коснулся его сердцевины, потому что и духовный сионизм Ахад-Гаама не спрашивает, верно ли определена конечная цель: он указывает лишь иной путь к той же цели, какую ставит себе политический сионизм. Это общее согласие столь торжественно, что голос критики может показаться среди него почти кощунством. Если я все же решаюсь высказать свою мысль, то смелость эту я почерпаю в моем уважении к сионизму, в моей уверенности, что не правоту свою любят сионисты, но больше ее дорожат истиной и благом еврейского народа. Мы – как семья на распутье; нашему дому грозит погибель: где выход из роковой тесноты? Вы, сионисты, придумали способ спасения, я же усмотрел ошибку в ваших расчетах, грозящую новой бедой; и так как я член той же семьи, то мое возражение не должно оскорбить вас; у нас одна любовь и одна забота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.